

5. *Кирилюк С.* Традиція мотивів та образів світової літератури у творчості Ольги Кобилянської : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.01.01 — українська література. — Івано-Франківськ, 1999. — 19 с.

6. *Клим'юк Ю.* Міфологічно-притчева природа умовності й узагальнення у творах Лесі Українки «На полях крові» та О. Кобилянської «Юда» / Ю. Клим'юк // Творчість Ольги Кобилянської у контексті української та світової літератури : [тези доповідей і повідомлень Респ. наук. конференції (24—26 листопада 1988 року)]. — Чернівці : ЧДУ, 1988. — Ч. 1. — С. 85—89.

7. *Кобилянська О. Ю.* Юда / О. Ю. Кобилянська // Твори : в 2 т. / [упоряд., передм. і приміт. Ф. П. Погребенника]. — К. : Дніпро, 1983. — Т. 1. — С. 301—323.

8. *Нямцу А.* Славянские литературы в общекультурном универсуме : [учеб. пособ.] / А. Нямцу. — Черновцы : Черновицкий нац. ун-т, 2012. — 520 с.

9. *Анненский И.* Иуда, новый символ [Электронный ресурс] / И. Анненский. — М. : Наука, 1979. — Режим доступа: fictionbook.ru/author/innokentiyi_fedorovich...iuda...

10. *Словник символів: імен, назв, термінів.* — М—Я [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://litopys.org.ua/human/hum43_1.htm

БЕНЬКОВСКАЯ АННА

«ВОЛШЕБНЫЙ ПОМОЩНИК» В ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XX вв. (А. С. Пушкин, Ч. Диккенс, П. Кэри)

В статье анализируется инкорпирование универсальных архетипических моделей в тексты авторской литературы. Взаимодействие фольклора и литературы рассмотрено на материале романов А. С. Пушкина («Капитанская дочка»), Ч. Диккенса («Большие надежды»), П. Кэри («Джек Маггс»).

Ключевые слова: архетип, фольклор, литература, роман, сказка, волшебный помощник.

В статті проаналізовано використання універсальних архетипічних казкових моделей у текстах авторської літератури. Взаємодія фольклору та літератури розглядається в текстах світової літератури — романах О. С. Пушкіна («Капітанська донька»), Ч. Діккенса («Великі сподівання»), П. Кері («Джек Меггс»).

Ключові слова: архетип, фольклор, література, роман, казка, чарівний помічник.

The main problem of this article is the correlation of universal archetypal fairy-tale models and literary texts. Novels of A. Pushkin («The Captain's Daughter»), Ch. Dickens («The Great Expectations») and P. Carey («Jack Maggs») are the object of investigation.

Key words: archetype, folklore, literature, novel, fairy-tale, magical assistant.

Фольклор, с одной стороны, является важным инструментом этнической самоидентификации.

Процесс самоидентификации в качестве важной составляющей обладает «национально обусловленной системой символов, ассоциаций и информации» (Э. Хирш), представленных в фольклорных текстах как репрезентантах культурного пространства. («Национальное культурное пространство — это форма существования культуры в сознании человека, это культура, отображённая сознанием, это, если угодно, бытие культуры в сознании её носителей» [1, с. 10—11].

Но, на другом уровне, фольклорные схемы характеризуются универсальностью, надэтничностью, и это прежде всего архетипы и их производные, реализованные в коллективном и авторском творчестве.

М. Элиаде справедливо указал на универсальность инициатических коллизий, представленных в волшебных сказках: «В настоящее время мы начинаем понимать, что “инициация” сосуществует с жизнью человечества, что всякая жизнь складывается из непрерывной цепи “испытаний”, “смерти”, “воскрешений”, независимо от того, какими словами пользуются для передачи этого (первично религиозного) опыта» [9, с. 209].

Цикл сказок о «чудесном (волшебном) помощнике», выделенный в указателе сказочных сюжетов А. А. Аарне, Н. П. Андреева, В. Я. Проппа, связан с сюжетно-композиционной моделью инициации, денотат которой ориентирован на столкновение разных миров, разных сфер существования, явления экзогамии и эндогамии, и функционально выражается в оказании помощи, дарении, адаптации, актах благодарности.

В волшебных сказках анимистичные домашние и дикие животные защищают и оберегают героя: конь помогает победить змея, корова Бурёнушка выполняет за падчерицу трудную работу, кошка и собака возвращают похищенное кольцо, медведь, волк, заяц помогают царевичу добыть «Кощееву смерть». Элементы сказки, как правило, входили в ритуальный комплекс, который позднее

утратил первичные функции, а предания о процессе прохождения обряда остались в качестве рудиментов. Таким образом, полноценного инициатического значения сказка как художественный текст не имеет, так как в современном виде не является обрядовым текстом, но сохраняет в себе следы прохождения обряда.

У. Эко обратил внимание на повторяющиеся схемы в эпосе: «Ці оповіді допомагають визначити їхню експресивну структуру як циркулярне, статичне передавання педагогічного повідомлення, яке, по суті, є нерухомими» [10]. Таким образом, это система предсказуемого общения.

По наблюдениям Рикера и, вслед ему, М. Зубрицкой, цель автора — «скоротити відстань між світом тексту та світом читача, усунути симетрію між уявним, фікційним та дійсним, перетворюючи світ тексту в конфігурацію не пережитого внутрішнього досвіду, який перетворюється на сукупність надбаних ідентичностей» [4].

Волшебные помощники — персонажи сказки, структурно эквивалентные, выполняющие в повествовании одну и ту же функцию, порождённую тотемизмом. Прежде всего это так называемые благодарные животные: зоо-, орнито-, ихтиоморфные герои (конь, ворон, золотая рыбка). Данная система включает метеорологических, астрологических, мифологических персонажей (Ветер, Месяц, Водяной), антропоморбных героев (Объедало, Опивало), людей-помощников (умершие родители, волшебный супруг).

Пётр Вайль обратил внимание на живучесть и постоянную актуализацию подобных схем: «Зато есть наглядное и осязаемое прикосновение к древним архетипам, есть то, что А. Веселовский называл *пластической силой* — силой, которая способна творить самостоятельно, вне зависимости от темы, идеи, сюжета» [2, с. 341]

Эти эстетические универсалии помогают осмыслить взаимоотношения героев и формировать сюжетные коллизии.

Классический волшебный помощник появляется и в продукции массовой культуры — в романах и фильмах о Джеймсе Бонде (см.: [2, с. 339] и в комиксах и фильмах о Супермене (см.: [10, с. 158—181].

В нашей статье рассматриваются романы А. Пушкина и Ч. Диккенса 30—60 гг. XIX в. и постмодернистская интерпретация викторианского романа в англоязычной литературе XX в. («Джек Мэггс» П. Кэри). Архетипические универсалии помогают в решении проблемы «человек и обстоятельства»: рассматривается

изменение ситуации, когда внешняя могучая сила властно вторгается в статичный мир, нарушая прежнее соотношение сил.

А. С. Пушкин очень продуктивно использовал мифологические модели (сон Татьяны в «Евгении Онегине», «Песни западных славян», сказки и др.), и роман «Капитанская дочка» содержит аллюзии на фольклорные константы.

Пугачёв — вожатый, спаситель героя от снежной бури и катаклизмов социальных, сам носитель хаоса народного мятежа; Пугачёв — персонифицированный в орнитоморфном образе сказки; Пугачёв — объект искреннего дарения (заячий тулупчик). И отплата, многократно превышающая первичный подарок: Гринёву дарят жизнь, а потом и счастье, вызволив любимую девушку.

Здесь несомненны аналогии с медведем, освобождённым из колоды (Пугачёв — беглый каторжник, *колодник*) Иваном-царевичем в сказке «Царевна-лягушка»: за спасение медведь помогает герою найти жену. Заячий (не овечий или козий) тулупчик не случаен: эта деталь подчёркивает связь Пугачёва именно со стихией иного мира, с хаосом, мятежом.

Инициатические коллизии, связанные с волшебным помощником, в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» реализуют опять же классическую модель: юное неокрепшее существо (ребёнок, подросток) помогает беглому каторжнику — даёт вино, пирог, подпилочек (кстати, само угощение Пипа — хлеб, вино — выявляет устойчивую связь с христианским обрядом Евхаристии, предполагающим сакральное приобщение к вечному).

При этом благодарность каторжника значительно, многократно превосходит изначальный милосердный поступок: Мэгвич намеревается трансформировать судьбу маленького воспитанника деревенского кузнеца, сделав его джентльменом, состоятельным светским денди.

Но в произведении Ч. Диккенса эта инициация, восходящая к традиционно-исторической модели, — изменение статуса — сначала не приводит к духовной трансформации, что и становится причиной краха надежд главного героя романа. Несказочное пространство погружает героев в жёсткие социальные условия, делает награду скорее иллюзией, чем реальностью, хотя «перемена участи» всё-таки происходит.

Отношения «герой — волшебный помощник» предполагают мотивы освобождения (например, сниженный травестированный вариант — освобождение Дон-Кихотом каторжников в романе

М. Сервантеса «Дон-Кихот»). Дар в авторской литературе оценивается не материальным эквивалентом, а исключительно ситуативно и по объёму духовных вложений, по значимости акта милосердия в данный момент.

Помощь маленького Пипа в романе Ч. Диккенса зародила в душе отчаявшегося человека (Мэгвича) веру в справедливость, в добро, и, самое главное, — чувство глубокой благодарности, что послужило основой его воочеловечивания и желания превратить малограмотного деревенского мальчика в джентльмена.

Роман Питера Кэри «Джек Мэггс» — это откровенная пост-модернистская аллюзия на викторианский роман и викторианскую эпоху и на «Большие надежды» Диккенса (сразу бросается в глаза перекличка имён главных героев: Мэгвич — Мэггс).

Роман П. Кэри относится к группе шедевров XX в., находящихся в системе игровых отношений с эпохой королевы Виктории: «Тонкая работа» Сары Уотерс, «Сни, бледная сестра» Джоан Хэррис, «Квинканс» Чарльза Паллисера и др.

В романе П. Кэри, интертекстуально включающем диккенсовские мотивы и параллельные образы, четырёхлетний ребёнок утоляет голод беглого заключённого (уже не евхаристическими атрибутами, а «свиной ножкой»), потом, с годами, он становится объектом щедрой, неустанной поддержки разбогатевшего в Австралии каторжника. При этом подросший и возмужавший мальчик не выдерживает испытания достатком и предаёт своего благодетеля. Но первичная модель дарения и ответной благодарности дарителю сохраняется.

В данных случаях мы имеем дело с инкорпорированием элементов универсальной сказочной модели в текст авторского произведения для выявления сложных отношений объективного и субъективного, внешнего и внутреннего, индивидуального и родового.

В сказке магически-прагматические функции волшебного помощника в осуществлении целей главного героя способствуют восполнению недостачи и замыкают сюжетный круг.

В авторском тексте обращение к архетипическим образам как к общечеловеческим универсалиям создаёт особую картину мира, в которой действуют надэтнические, надсоциальные, надполитические нравственные парадигмы.

«Читання літератури — це своєрідний спосіб читання світу: дійсного і можливого водночас, оскільки література завжди прагнула поєднати реальність та віртуальність, щоб вмістити

в собі багатоманітність, неоднорідність і неоднозначність світу» [4, с. 332].

Литература

1. Брилева С. И. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / С. И. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гуков, И. Захарченко, В. Красных. — М. : Гнозис, 2004. — С. 10.
2. Вайль П. Свобода — точка отсчёта / Пётр Вайль. — М. : Астрель : CORPUS, 2012. — 701 с.
3. Диккенс Ч. Большие надежды / Чарльз Диккенс. — М. : Худ. лит., 1987. — 384 с.
4. Зубрицька М. Читання як соціокультурний феномен / Марія Зубрицька. — Львів : Літопис, 2004. — 352 с.
5. Кэри П. Джек Мэггс / Питер Кэри. — М. : АСТ : ООО ЗАОИПП, 2004. — 413 с.
6. Паллисер Ч. Квинканс / Чарльз Паллисер. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2006. — 720 с.
7. Уотерс С. Тонкая работа / Сара Уотерс. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2007. — 768 с.
8. Хэррис Дж. Отшельник. Башня. Колесница / Джоан Хэррис. — М. : Эксмо, 2007. — 790 с.
9. Элиаде М. Мифы и волшебные сказки : пер. с фр. / Мирча Элиаде // М. Элиаде. Аспекты мифа. — М. : Академический проспект, 2001. — С. 209.
10. Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів / Умберто Еко. — Львів : Літопис, 2004. — 384 с.